

Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, 274 стр.

Среди русских, расселившихся на обширной территории, за длительный исторический период образовались различные локальные группы, отличающиеся друг от друга культурно-бытовыми особенностями. Эти особенности связаны с этнической и социальной разнородностью новопоселенцев, с влиянием местных народов, среди которых они селились, а также с социально-экономическими и природно-географическими условиями новых мест обитания. Русские, оторванные от основных центров формирования русского народа и живущие среди иноплеменного населения, представляют большой научный интерес, так как более длительное время сохраняют культурно-бытовые особенности, терминологию, некоторые традиционные обряды и обычаи, которые быстрее исчезают в местах компактного расселения того или иного народа. Изучая такие группы русских, можно проследить культурно-бытовые взаимодействия, способствующие возникновению общих элементов в материальной и духовной культуре и приводящие в наши дни к постепенному стиранию национальных различий, формированию единых черт в быту, духовном облике и психологии людей различных национальностей.

За последние годы вышел в свет ряд работ, в которых рассказывается о сложном процессе формирования русских локальных групп, об изменениях в их материальной культуре, семейных и общественных отношениях на протяжении длительного исторического периода¹. На основании этих работ можно судить о направлении этнических процессов, проходящих в настоящее время.

Рецензируемая книга — еще одно звено в цепи книг, посвященных русскому населению отдаленных районов нашей страны. На этот раз читатели познакомятся с этнографией русских, живущих в Средней Азии и Сибири (некоторые районы этих территорий начали заселяться русскими с XVI—XVII вв.). Особенно интенсивно шло переселение в Сибирь в конце XIX и начале XX вв. в связи с развитием капитализма и расстройством крестьянства. В различные периоды истории здесь селились казаки, составлявшие особую сословную группу населения, вольные промысловики-охотники, торговцы пушinou, сильные крестьяне, приписанные к заводам, хлебопашцы и т. д. Они приходили из различных районов Руси, Украины, Белоруссии и приносили с собой характерные для той или иной местности культурно-бытовые особенности.

Книга написана этнографами, длительное время изучавшими русских, живущих в Сибири и Средней Азии. В основу труда положены материалы полевых этнографических исследований, данные архивов и весьма не многочисленная по этому вопросу литература. Широко привлечены также публикации по этнографии русского населения других районов страны, что позволило делать необходимые сравнения и выводы о путях заселения рассматриваемых районов.

Книга состоит из пяти самостоятельных статей.

Статья В. А. Липинской посвящена характеристике поселений, жилищ и одежды русского населения Алтайского края. Исследуя материалы о формировании этого населения автор прослеживает пути проникновения в эти места русских из северных, средне-русских и южно-русских областей и способы образования различных по культурным традициям групп. Приводятся интересные данные об этнографическом составе населения каждого обследованного селения, о типах поселений, жилищ и хозяйственных построек. Автор приводит интересные материалы о видах планировки сельских населенных пунктов и путях развития сельских поселений с момента их возникновения до настоящего времени. Однако, несмотря на насыщенность работы конкретными статистическими данными, некоторые положения все же остались недостаточно аргументированными. Так, например, В. А. Липинская утверждает, что расселение, проходившее в советское время, привело к еще большему заселению водоразделов. Но из приведенных данных этого вывода не следует. Для того чтобы его сделать, нужно знать, какая часть населенных пунктов была расположена на водоразделах до Великой Октябрьской революции. А этих данных в работе нет. Автор достаточно подробно освещает вопрос застройки современных сельских поселений. Проанализировав современные типы планировок, В. А. Липинская приходит к выводу о том, что существующие проекты предусматривают как уличную и квартальную, так свободную и групповую планировки. Последняя представляется автору наиболее подходящей, так как вследствие особенностей населения алтайских сел они разделены обычно на несколько концов, поэтому свободная планировка будет соответствовать привычкам населения и потребует меньших затрат на переустройство. Такая точка зрения нам представляется недостаточно убедительной. В деревне за годы Советской власти произо-

¹ «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1956 и др.

шли огромные социально-экономические изменения, неизмеримо повысился культурный уровень сельских жителей и их материальное благосостояние, и при планировке прежде всего следует думать не о привычках, а об экономической целесообразности.

С привлечением большого фактического материала написан раздел об одежде; здесь приводятся характеристики традиционных комплексов мужской и женской одежды у различных социальных групп русских Алтая, рассказано об изменениях в одежде в конце XIX — начале XX вв.; основное внимание уделено описанию одежды советского периода. В работе подробно охарактеризованы все типы современной одежды, в которых отражена этническая специфика, возрастные различия, культурный уровень и профессиональные особенности жителей. Интересны данные о заимствовании отдельных группами русских Алтая бытовых особенностей местных народов. Очень интересны графики, показывающие рост покупательной способности колхозников.

В статье А. В. Сафьяновой рассказывается о положении женщины в Алтайской деревне до революции и о том, какие изменения произошли в ее жизни за годы Советской власти. Автор, опираясь на большой статистический материал, показывает, насколько повысился культурный уровень сельских жителей, увеличилось их число в составе сельской интеллигенции, возросла активность во всех сферах общественной и культурной жизни. А. В. Сафьянова рассматривает материалы о традиционных современных общественных праздниках и праздниках, возрожденных на основе прежних традиций, но переосмысленных по-новому и об участии в них женщин различных возрастов.

Однако с отдельными положениями автора вряд ли можно согласиться. Например, вызывает сомнение вывод, сделанный на основе недостаточного количества фактов о том, что уже в 20-х годах праздник 8 Марта на селе повсеместно отмечался торжественно. Исходя из данных о праздновании этой даты в Среднем Поволжье и в других районах нашей страны, мы можем говорить, что в это время современные праздники только начинали входить в быт села и отмечали их далеко не повсеместно. Вызывает также сомнение утверждение, что крестьянки принимали активное участие в работе клубов, открытых в церквях. В действительности общественные мероприятия в клубах проводила молодежь, и только со временем в результате большой культурно-просветительной работы советских и партийных организаций в клубы стала ходить основная масса колхозниц.

Очень интересна статья А. А. Лебедевой, посвященная истории формирования русского населения Забайкалья (забайкальских казаков и крестьян) и характеристике его хозяйственного и семейного быта конца XIX — начала XX вв. В работе рассказывается также о связях русских Забайкалья с русским населением северо-русских и южно-русских областей Европейской части нашей страны. Выводы автора подкрепляются убедительными примерами из области материальной культуры.

Особое внимание уделено культурно-бытовому взаимодействию русских с местными народами — бурятами и эвенками. Указывается, например, на то, что русские в быту широко использовали войлок, так же, как буряты, обрабатывали шкуры, складывали печи. А. А. Лебедева подробно описывает занятия русских Забайкалья, технику земледелия, возделываемые сельскохозяйственные культуры, хозяйственные постройки, домашние ремесла и промыслы.

Значительное место в статье уделено анализу состава семьи, ее численности, структуры, взаимоотношений членов семьи. Весьма обстоятельно описаны жилища различных социальных групп русских Забайкалья и изменения, произошедшие в них в конце XIX — начале XX в. Небольшие замечания хочется сделать по разделу, где описываются сельскохозяйственные орудия. Автор говорит о широком употреблении в конце XIX в. усовершенствованного пахотного орудия — сабана, деревянного плуга, близкого по конструкции к сохе. Однако из приведенного описания видно, что с сохой сабан сближает только лемех, который представляет собой «сошники сохи, но как бы сросшиеся в одно целое» (стр. 135). В остальном же сабан ничем соху не напоминает. Это совершенно другое орудие, предназначенное для обработки целинных и залежных земель. Неясно также, с чем связано распространение сабана у русских Забайкалья.

Статья Г. И. Охрименко посвящена характеристике женского костюма семейских XIX—XX вв. Опираясь на музейные экспонаты и полевой этнографический материал, автор подробно описывает женский костюм, головные уборы, украшения, отдельные детали — весь комплекс женской одежды в целом — и приходит к выводу о том, что в нем есть особенности, характерные в большей степени для северного и средне-русского костюма, а отдельные элементы связывают его с костюмом юго-западных и южно-русских областей Европейской России.

Далее Охрименко высказывает предположение, что этот комплекс в основных чертах сформировался в период пребывания предков семейских в районе Ветки и Стародуба (северная Украина и юго-восточная Белоруссия), куда в конце XVII и начале XVIII в. стекались большие группы русских старообрядцев из разных районов страны.

Рецензируемая книга завершается большой статьей Т. В. Станюкович «Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения Среднеазиатских республик и Казахстана». Выдерживая общий план книги, автор рассказывает об истории формирования групп восточно-славянского населения на данной территории, дает характеристику поселений и жилищ, пишет об изменениях, произошедших в жилище под влиянием новых географических условий и под влиянием местного населения. При

характеристике жилищ и отдельных усадеб приводятся термины, унаследованные жителями с мест своего прежнего обитания. Они, как справедливо отмечает автор, дают возможность узнать те места, откуда переселенцы в свое время выехали, выявить взаимовлияния совместно живущих народов. Подробно характеризуя двор и хозяйственные постройки, автор указывает на то, что приспособляясь к новым местным условиям, переселенцы вынуждены были отказываться от привычных форм быта. В качестве примера приводится рассказ одного переселенца с Украины, который вначале построил открытый двор, как на Украине, а «...на другой год вже давай закрывати двір, бо тут без сибірської моди не можна». Однако дальше автор говорит, что в наши дни крытые дворы встречаются лишь в северных районах Казахстана, причем число их с каждым годом идет на убыль. С чем это связано? Может быть, изменились климатические условия? К сожалению, автор делает подобные заключения, не подкрепляя их статистическим материалом.

То же самое можно сказать и в отношении раздела работы, посвященного изменениям в планировке современных жилищ, интерьеру жилого помещения. Встречаются слишком общие фразы, как например, «сохраняется в кухне и традиционная деревянная мебель» или «распространяется готовая мебель современного городского типа» и др. Также вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением, что «для последней группы восточнославянского населения (переселенцев в Среднюю Азию и Казахстан в советский период — Е. Б.) характерен интерьер городского типа». По нашим данным, на территории Среднего Поволжья даже в домах сельской интеллигенции сохраняются элементы сельского быта, что не позволяет проводить полную аналогию с обстановкой и планировкой жилого помещения в городе.

В целом во всех статьях книги изложен очень интересный материал, повествующий об особенностях культуры локальных групп русского народа, сложившихся вдали от основных центров его расселения.

Все статьи книги хорошо иллюстрированы рисунками, схемами, фотографиями, диаграммами. Особенно хороши цветные фотографии, дающие яркое представление об интересной, самобытной культуре русского населения Сибири и Средней Азии.

Рецензируемая книга — существенный вклад в изучение культуры и быта восточных славян, оказавших большое влияние на культуру многих народов нашей страны, и в то же время впитавших в себя все ценное и полезное, что было накоплено этими народами в процессе длительного исторического развития. Книга с большим удовольствием будет принята не только специалистами-этнографами и историками Сибири, но и учителями, краеведами — всеми, кто интересуется культурой и бытом народов нашей страны.

Е. П. Бусыгин

Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969, 239 стр.

Книга Э. Г. Гафферберг «Белуджи Туркменской ССР» посвящена народу, численность которого в нашей стране составляет по данным переписи 1959 г. всего 8 тыс. чел. Этот труд — первое в советской историко-этнографической литературе монографическое исследование специфики быта, производственной деятельности, культуры, семейной и общественной жизни белуджей. При этом работа знакомит специалистов-этнографов и широкий круг читателей с традиционным и современным бытом белуджей не только в Туркменистане, но отчасти и за рубежом¹.

Еще в недалеком прошлом белуджи были кочевниками-скотоводами. Исследование пути перехода белуджей Туркменистана в 1927—1930 гг. от кочевого и полукочевого к оседло-земледельческому образу жизни, а в последующие два-три года — и к коллективным формам хозяйства представляет очень большой научный и практический интерес.

Рецензируемая книга Э. Г. Гафферберг основана на большом и оригинальном полевом этнографическом материале, собранном автором за шесть сезонов экспедиционных работ среди белуджей Туркменистана; привлечен также большой литературный материал, умело использованы архивные документы и музейные коллекции. Это делает труд Э. Г. Гафферберг солидным этнографическим исследованием как по замыслу и структуре, так и по исходному фактическому материалу.

С большим интересом читается краткий очерк истории, расселения и этнического состава белуджей на территории Туркменской ССР. Автор на конкретном материале осветил вопросы землеустройства и расселения всех этнических подразделений белуджей, обеспечения их орудиями производства, семенами, агротехнической и финансовой помощью, благодаря которым стали возможными их оседание на землю и переход к земледелию. Жаль только, что автор не сопроводил свое описание расселения белуд-

¹ Как известно, основная масса белуджей живет в Пакистане (1200 тыс. чел.), Иране (450 тыс. чел.), Афганистане (90 тыс. чел.). См. «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 144; «Население земного шара. Справочник», М., 1965, стр. 181, 133, 156 и др.